

Ольга ФУКС

— У вашего музея недавно появился еще один филиал — музей-квартира Святослава Рихтера. Насколько непросто был для вас переход от общения с живым человеком, в гостеприимном доме которого вы часто бывали, к необходимости создавать там музей?

— Во-первых, я против самого понятия филиала. Все наши подразделения — Музей личных коллекций, Учебно-художественный музей Цветаевой при РГГУ — это одно целое с нами, просто расположены на другой территории. Кстати, мы пока еще не полные владельцы квартиры — только через полгода после смерти вдовы Нины Львовны Дорлиак, 17 ноября мы вступим в полноправное владение. Но вы задали очень точный вопрос — мне действительно тяжело пережить этот переход. Раньше я приходила в эту квартиру счастливая, свободная. Теперь небытие главного героя каждый раз повергает меня в шок, ведь я никогда не появлялась там без него. Я даже ловлю себя на том, что мне сейчас не хочется туда заходить. Но время лечит остроту эмоциональных переживаний. И потом, я чувствую свой долг перед памятью Святослава Теофиловича и Нины Львовны. Там должна быть не просто ухоженная квартира с экспонатами, а живой дом, живой очаг, как при них. Поэтому мы советуемся с друзьями, музыкантами — не далее, как вчера, здесь два часа просидел Юрий Башмет, с которым они были очень близки. Мы планируем открыть музей на Рождество, тем более что Святослав Теофилович отмечал Рождество — и католическое, вместе со всем миром, и православное. Это в общем-то небольшой дом, если хотите, даже скромный — дом русского интеллигента, музыканта, который бы никогда не стал тратить свои душевные силы на то, чтобы окружить себя роскошью. Это не значит, что там нет какой-то особой элегантности, но вещей мало, только самое необходимое. Есть два прекрасных инструмента, есть огромный архив — переписка, программы, дневники, — который предстоит долго разбирать музыковедам. А сейчас я хочу, чтобы там звучала живая музыка, проходили вечера вроде тех, которые организовывал сам Рихтер. Здесь, например, слушали оперы, и если опера шла на иностранном языке, Святослав Теофилович просил кого-нибудь прочитать либретто перед началом или писал титры и выставлял их на мольберт. Дом может вместить от силы человек соток, и я думаю, что придется создавать систему предварительной записи. Но вряд ли это будет платный музей с билетами. Кроме того, там можно организовать небольшие выставки — и самого Святослава Теофиловича, который делал прекрасные пастели, и художников, которые дарили ему свои работы, и произведения из нашего музея, которые ему нравились.

— А что предвещает обой новый зал, посвященный Ивану Цветаеву?

— Это будет зал истории музея за сто лет. Идея такого музея возникла еще в XVIII веке в недрах Московского университета. Ведь мы — придуманный музей, придуманный учеными для просвещения юношества, в отличие от Третьяковки (музея богатого и просвещенного купца) или Эрмитажа (музея царей). О нем говорилось во многих документах, статьях, вроде знаменитой статьи Зинаиды Волконской, которая желала, чтобы художества вышли из мастерских художников и были открыты взорам. Целая плеяда университетских профессоров была причастна к созданию музея, но весь груз организационных работ взвалил на себя Иван Владимирович Цветаев — очень крупный, кстати говоря, филолог, специалист по письменности древней Италии. Он да строитель музея архитектор Клейн, да меценат Нечаев-Мальцов очень много потрудились задолго до того, как был заложен первый камень. У них не было ничего — ни денег от правительства, ни земли, была только пламенная идея. Вообще это было замечательное время — недаром тогда же возник Художественный театр, Русский музей, русский авангард, искусство Серебряного века, чуть позже — Дягилевские сезоны.

— В конце XX века нам такое не светит.

— Пожалуй. Но вы знаете, ведь мы открыли в Российском гумани-

Без культуры мы встанем на четвереньки

Век. Москва. — 1998. — 20 июля. — с 6.

Из первых рук

Государственный музей изобразительных искусств имени Пушкина своей основной задачей — просвещением юношества — уже давно не ограничивается. Все искусства и жанры, кроме скучных, могут быть представлены здесь, будь то знаменитые «Випперовские чтения» (научные конференции, которые проходят уже 31 год и пользуются авторитетом в мире), музыкальные «Декабрьские вечера» с восемнадцатилетней историей или, скажем, знаменитая эфросовская «Буря» с участием Анастасии Вертинской, не говоря уже о международных выставках, которые знакомят нас с мировым искусством, что называется, с доставкой на дом. Последние тридцать восемь лет музеем руководит Ирина Александровна Антонова, которая накануне столетия ГМИИ дает нашей газете интервью... продолжая попутно вести переговоры с немцем, просматривать платёжки и согласовывать с разными знаменитостями план будущих юбилейных торжеств.

Ирина
АНТОНОВА:

Этим интервью мы начинаем серию публикаций к 100-летию Музея имени А. С. Пушкина

тарном университете с помощью ректора Юрия Афанасьева учебный музей открыт и для публики, правда, он пока еще мало посещается, потому что не очень известен, но студенты там занимаются очень активно. У нас ведь были изумительные памятники античности, вроде надгробных стел работы крупнейших мастеров, но не было площадей для их экспозиции. Были восхитительные слепки с памятников Древнего Египта (наш-то египетский зал в основном содержит подлинники из коллекции Голенищева). Кстати, мы затратили огромные деньги на их реставрацию, потому что они хранились в записниках Загорска, а если вещь не находится в экспозиции, она очень быстро стареет. Так что мы большую часть коллекции просто спасли. Иван Владимирович как-то написал, что через пятьдесят лет все эти слепки превратятся в хлам, хоть они и выполнены из тонированного гипса. А они не только не превратились, а прожили уже сто лет, ведь мы их храним, нежим, чистим. Просто у нас площадей не хватает.

— А что если еще несколько музеев открыть?

— Несколько — не знаю, но на один нас бы хватило. Мы как-то предложили Московскому университету часть экспонатов, но они отказались — тоже нет места. Что-то мы отдавали в Суриковский институт, что-то в Строгановку. А если говорить о картинной галерее, то еще одну такую же можно было бы составить из материалов запасников. Мы ведь не какие-нибудь собаки на сене — пусть все смотрят. Но места не хватает чудовищно.

— Зато музей Шилова есть...

— Я понимаю значение музеев. Кто-то хотел его открыть, кто-то вложил в него деньги. Есть публика, которая его любит, — ну что на это скажешь? Я не сторонник того, чтобы что-нибудь закрывать. Я бы, наоборот, сделала другой музей.

— Мне рассказывали, как однажды вы сумели выиграть крупный международный процесс с наследниками из-за произведе-

ний Матисса, вывезенных в Париж на выставку. Часто ли вы попадаете в такие щекотливые ситуации, и бывали ли случаи, когда вы все-таки возвращали какие-то ценности?

— Это, конечно, преувеличение, что я выиграла процесс — его выиграла Россия. Парижский суд отверг претензии дочери Сергея Ивановича Шукина Ирины. Мне довелось присутствовать в этом суде, готовить документы, давать объяснения. Но ведь речь шла фактически об отмене закона о национализации, ведь все эти коллекции были национализированы в 1918 году. Кстати, подпись под указом о национализации коллекции Шукина и Морозова принадлежала Ленину. И в этом документе есть краткая характеристика таких художников, как Матисс, Пикассо, Сезанн, Гоген, где они названы великими французскими художниками, что опровергает мнение о том, что Ленин относился к ним отрицательно и не понимал их значения.

А вообще надо сказать, что процесс национализации во время революции нами до конца не прочувствован, не понят. Ведь национализация просто спасла многие ценности, в противном случае все могло бы быть разграблено, разрушено, увезено в другие страны. И если вы увидите когда-нибудь документы, там стоят самые достойные фамилии людей, которые готовили национализацию, — и художник Грабарь, и директор музеев. Они понимали, что делали, понимали, что будет, если за этот процесс возьмутся не они — разграбили бы, как разграбили многие усадьбы, куда можно было просто так ворваться. Многие революции, в том числе и Великая Французская, национализировали художественные ценности.

Правда, на моей памяти был давнишний случай, когда у одного коллекционера по судимости были конфискованы вещи, и часть ценности попала к нам. Но когда его реабилитировали, мы их возвратили.

— Вы руководите музеем уже 38 лет. Если взглянуть на развитие общества глазами музейщика, был для музея Ренессансом, а какое — самым тяжелым периодом?

— Сложно сказать. Ренессанс, пожалуй, начался тогда, когда мы показали Дрезденскую галерею. Уже десять лет, как кончилась война, Сталин умер, люди увидели около семисот великих картин, это была эйфория. И с этого момента пошли интересные выставки. СССР

стал более открыт. Через нас прошли сокровища Лувра, Метрополитена, Джоконда, Тутанхамон, «Дама с горностаем», «Мальчик-флейтист» Эдуарда Мане. В течение почти трех десятилетий мы себя чувствовали центром мира. Мы первыми показали Пикассо, Матисса, первыми — русский авангард: Кандинского, Малевича, Филонова, Шагал. Сейчас мы издали книгу к 100-летию, и я поражаюсь — ведь каждый год проходило по 12—15 выставок из крупнейших музеев мира.

А если говорить о трудностях... Был какой-то момент, когда мне казалось, что трудно, потому что не хватает денег. Но сейчас я понимаю, что есть еще один фактор. С одной стороны в музей потянулись дети с родителями, и это хорошо — такого семейного начала раньше не было. С другой стороны любимая мной молодежь стала отсекается от себя серьезную музыку, серьезное искусство. И отчасти, я думаю, в этом виноваты вы, средства массовой информации. Ведь вы формируете приоритеты. Я, например, очень люблю современную музыку. И я сидела на концертах Шнитке не тогда, когда он стал всем известен, и на него бегают кто угодно, а когда в зале заполнялись первые десять рядов. Только пришла я к нему через Баха, Бетховена, Вагнера, Чайковского. У меня сохранилось письмо военного времени, где я пишу, что услышала Софронько и — какое счастье! — он открыл мне Шопена. То есть я хочу сказать, что глубокого, подлинного интереса к культуре XX века СМИ — самый мощный канал — не формирует. Началось увлечение всякой пеной и хламом, вроде ползающего на коленях Кулика. Я-то знаю, что по-настоящему то, что он делает, называется перформансом. Но если молодое поколение замкнется только на этом и начнет отсчет ценностей отсюда, будет очень прискорбно.

Или возьмем религию. Я сама неверующий человек, но во мне, я думаю, есть Бог, есть то, что Кант называл нравственным законом, есть критерии добра и зла. Я не называю это заповедями, хотя заповеди я знала всегда: искусством вообще нельзя заниматься, не зная Священного Писания. Но ведь сейчас некоторые стремятся подменить понятие духовности принадлежностью к каким-то конфессиям, опять же оттягивая часть молодежи от искусства. Я как-то общалась с одним молодым священником и сказала ему, что по сути мы с ним делаем одно дело. А он сказал: «Нет-нет, нам это чуждо». Конечно, отношения религии и культуры в целом — очень тонкая вещь.

— Вы не могли бы напоследок рассказать о тех, с кем вы «делаете одно дело», — о ваших коллегах.

— Нас не так много, но тем не менее среди нас 8 докторов наук, 25 кандидатов, 95% экскурсоводов окончили искусствоведческое отделение института МГУ. Для музея это очень солидная пропорция — мы ведь не научный институт.

— А зарплата сильно не соответствует их уровню?

— Не то слово, 350 — 500 рублей — это то, что им положено государством, плюс какие-то наши недостоимые надбавки. А ведь надо жить, одеваться, книги покупать, ходить в театры, в консерваторию. Я могла себе позволить два-три раза в неделю туда ходить, пусть на дешевые билеты. Мы без всякой позы хорошо понимаем свое значение и место. Потому что без культуры все опустится на четвереньки. Сейчас уже во многом стоим на полусогнутых. У меня был такой случай: привела мама дочь учиться в нашей детской изостудии, но набор уже прошел. Я ей объясняю — нет места для занятий, у нас единственная комната на 28 квадратных метров. Ведь минимум комфорта тоже входит в понятие культуры. А она мне: «Вы думаете, я хочу, чтобы она стала художницей? Я спасти ее хочу».

— Взятия?

— Взятия. Очень уж на меня это действовало.